

Взгляд через годы

Одно дело, когда просто читаешь стихи поэта, листая сборник или пробегая глазами по подборке стихотворений в журнале, газете, другое дело, когда вживаешься с ними как соучастник, почти как соавтор. Ведь именно такова роль переводчика. Я прикоснулся к поэзии Равиля Файзуллина, когда перевёл ряд его стихотворений. Я понял тогда, что Равиль Файзуллин – поэт яркого развёрнутого образа и поэт мысли, что это интересный и своеобразный поэт.

Вспоминаю короткую стихотворную зарисовку («Осенний пляж»):

**Осенний ветер шастает по пляжу, –
в песке перебирает на бегу
заколку, тряпку, пуговку, стекляшку,
обрывки целлофана и фольгу.**

(Здесь и далее переводы мои)

Всё тут очень точно, конкретно ёмко, настроение, собственно говоря, уже создано одними этими строками. Вероятно, японский, скажем, поэт тут бы остановился, предоставив читателю самому домыслить остальное. Но Равиль в духе нашей поэзии завершает зарисовку ударом мысли:

**Недавней жизни жалкие приметы,
и большего увидеть не дано.
Все тайны, страсти, радости и беды
пучиной моря спрятаны на дно.**

Вспоминаю стихотворение «Горяч стихи», где после яркого описания пылающей печи, в которой поэт сжигает по тем или иным причинам свои стихи, следует удар мысли или, как говорят французы, «ну да метр» – удар мастерски:

Кропать стишки,
счастливым быть при этом.
Доступно всем
писать стихи, стереть...
Но жечь стихи
дано одним поэтам.
О, счастье – жечь стихи,
гореть,
гореть,
гореть!

Но особенно тронуло меня тогда стихотворение «Ушла вода». Обычно наша поэзия любила и любит воспевать природопреобразовательные процессы, связанные с покорением природы, перепруживанием рек, созданием «морей», то есть с заливанием водой земли, на которой живём. Но ведь может быть и восстановительный, обратный процесс. Такой-то случай и взял Равиль Файзуллин:

**И вот ушла вода
и обнажилась суша,
овраги и поля –
какой печальный вид!
Ландшафт, что был
водой затоплен и нарушен,
опять предстал глазам
и солнцу вновь открыт.**

Восстанавливать и возрождать, оказывается, нисколько не проще, чем нарушать и губить.

Не скоро здесь
опять зазеленеют травы
среди вымокших в воде
коряжин и корней.
Под жирным илом пни –
когда-то здесь дубрава
тенистая росла
и птицы пели в ней.

Как раньше было здесь,
припомнит кто едва ли:
где ширились луга
с цепочками косцов,
где тропочки вились,
а где дома стояли,
а где ютился ряд
кладбищенских крестов.

Не правда ли, взят своеобразный ракурс при взгляде на нашу действительность? Написать такое стихотворение мог только оригинальный и мыслящий поэт.

Каждая новая встреча с Равилем Файзуллиным интересна для читателей. И хотя он многое уже сказал, многое сделал для родной татарской и многонациональной поэзии, будем надеяться, что многое ещё впереди.

1991

